ИЗДАТЕЛЬСТВО грамота

Манускрипт • Manuscript

ISSN 2949-3242 (online)
ISSN 2618-9690 (print)

2026. Том 19. Выпуск 3 | 2026. Volume 19. Issue 3
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): manuscript-journal.ru

RU

Философские основания литературного краеведения: онтология «места»

Комлев А. Е., Денисова Н. Ю.

Аннотация. Целью научной работы является разработка философско-методологического обоснования литературного краеведения как самостоятельной формы гуманитарного знания посредством концептуализации его онтологических оснований. Для достижения поставленной цели в исследовании проводится системный анализ ключевых философских парадигм, конституирующих предмет и методологию краеведения: от античной концепции «гения места» и аристотелевского «топоса» через средневековую символику пространства и просветительскую топографию к современным феноменологическим (М. Хайдеггер, Г. Башляр, М. Мерло-Понти, Э. Кейси), герменевтическим (Х.-Г. Гадамер, П. Рикёр), семиотическим (Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский) и хронотопическим (М. М. Бахтин) подходам. Особое внимание уделяется концепту хронотопа как центральному для понимания литературно-пространственных связей, а также категории «воображаемой географии» в её соотношении с конкретным локусом. Представлена аргументация относительно выявления центральной проблемы философии литературного краеведения – укоренённости человеческого бытия и культурной памяти в конкретном месте. Философский анализ концентрируется на герменевтическом диалоге с «духом места», воплощённым в художественном слове. Научная новизна заключается во введении и обосновании понятий «метафизика провинции», «текстуальная аура места» и «экзистенциальная картография» в их философском контексте. В результате установлена возрастающая роль литературного краеведения в эпоху глобализации и цифровой виртуализации как практики сопротивления десемиотизации пространства и утверждения онтологической значимости локального. Статья адресована философам, литературоведам, культурологам и специалистам в области гуманитарной географии.

EN

Philosophical foundations of literary local studies: place ontology

A. E. Komlev, N. Y. Denisova

Abstract. The aim of the scientific work is to develop a philosophical and methodological foundation for literary local studies as an independent form of humanities knowledge through the conceptualization of its ontological foundations. To achieve this goal, the study provides a systematic analysis of key philosophical paradigms that constitute the subject and methodology of local history: from the ancient concept of “genius loci” and the Aristotelian “topos” through the medieval symbolism of space and educational topography to modern phenomenological (M. Heidegger, G. Bachelard, M. Merleau-Ponty, E. Casey), hermeneutic (H.-G. Gadamer, P. Riker), semiotic (Yu. M. Lotman, B. A. Uspensky), and chronotopic (M. M. Bakhtin) approaches. Special attention is paid to the concept of the chronotope as central to understanding literary-spatial connections, as well as to the category of “imaginary geography” in its relationship with a specific locus. The argumentation is presented regarding the identification of the central problem of the philosophy of literary local studies – the rootedness of human existence and cultural memory in a specific place. The philosophical analysis focuses on the hermeneutic dialogue with the “spirit of the place” embodied in artistic language. The scientific novelty lies in the introduction and substantiation of the concepts of “metaphysics of the province”, “textual aura of the place”, and “existential cartography” in their philosophical context. As a result, the growing role of literary local studies in the era of globalization and digital virtualization has been established as a practice of resisting the desemiotization of space and asserting the ontological significance of the local. The article is addressed to philosophers, literary scholars, cultural studies experts, and specialists in the field of human geography.

Научная статья (original research article) | **https://doi.org/10.30853/mns20260231**

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Введение

В современном гуманитарном знании наблюдается устойчивый «топографический поворот» – масштабное смещение исследовательского интереса от временны́х нарративов к пространственным конфигурациям, от истории идей к географии смыслов, от линейной хронологии к синхронной топографии культурных явлений. Этот поворот ознаменовал собой фундаментальную перестройку эпистемологических оснований гуманитарных наук. Пространство перестало рассматриваться как нейтральный контейнер для исторических событий и было переосмыслено как активный, смыслопорождающий, социально конструируемый агент. В этом контексте литературное краеведение, долгое время пребывавшее на периферии академического дискурса в статусе «любительского», «музейно-прикладного» или «вспомогательно-библиографического» занятия, обретает новое, концептуальное звучание и требует переосмысления своего онтологического статуса.

Проблема литературного краеведения выходит далеко за рамки установления биографических маршрутов писателя, каталогизации прототипов или составления библиографических указателей. Речь идёт о фундаментальном вопросе, имеющем прямое отношение к философии бытия: каким образом пространство становится местом, то есть осмысленной, заряженной значениями и памятью частью человеческого мира, и как литература участвует в этом онтологическом преобразовании? Каким образом слово, будучи нематериальным, обретает способность насыщать пространство смыслом, превращать геометрическую протяжённость в обжитой ландшафт? Эти вопросы выводят краеведение из сферы частного интереса в пространство фундаментальной философской рефлексии.

Литературное краеведение базируется не на эмпирическом сборе фактов и не на позитивистской верификации «отражения действительности», а на совокупности имплицитных и эксплицитных философских установок, касающихся природы пространства, специфики художественного творчества, механизмов культурной памяти и онтологии текста. Для реализации обозначенной цели последовательно решаются следующие задачи:

1) проследить генеалогию концепта «гения места» и эволюцию философского осмысления пространства от античного топоса к романтическому ландшафту;

2) раскрыть онтологические основания литературного краеведения через синтез феноменологического и герменевтического подходов;

3) определить роль хронотопа и семиотики в конструировании «локального текста» культуры, обосновав специфику русской «метафизики провинции»;

4) выявить экзистенциальный статус литературного краеведения в условиях глобальной десемантизации и цифровизации пространства.

Общими основаниями исследования послужили методы генеалогической реконструкции эволюции концепта «гения места» (genius loci); феноменологического прояснения структуры «литературного места» как феномена сознания и бытия; герменевтического анализа литературных текстов как «высказываний» места; семиотического и структурно-типологического описания для дешифровки знаковых систем, конституирующих «локальный текст» культуры, и хронотопического анализа формообразующей функции пространственно-временных структур в конкретных литературных произведениях и их связи с конкретными локусами.

Теоретическую базу представленного исследования образует совокупность философских концепций и подходов, конституирующих современное понимание пространства, места и их отношения к слову. К числу основных теоретических источников относятся: античная онтология топоса (Аристотель, 1981; Платон, 1994) и римская концепция genius loci, задающие исходную интуицию сакральной инаковости места; феноменологическая традиция в лице М. Хайдеггера (1993; 1997) (онтология «обитания»), Г. Башляра (2004) (поэтика интимных пространств), М. Мерло-Понти (1999) (телесная природа пространственного опыта) и Э. Кейси (Casey, 1993; 1997) (примат места над пространством, концепция «плотности» и «накопленности» места); философская герменевтика Х.-Г. Гадамера (1988) (сплав горизонтов, история воздействия) и П. Рикёра (2004) (нарративная идентичность, диалектика памяти и истории); теория хронотопа М. М. Бахтина (1975) как учение о формообразующей функции пространственно-временных структур в литературе; семиотика культуры Московско-тартуской школы (Лотман, 1992; Успенский, 1995; Топоров, 1995) в её применении к анализу «локальных текстов» и символике пространства; культурная география и антропология пространства (Оже, 2017; Tuan, 1977; Soja, 1996); русская философская и литературная традиция осмысления провинции и «почвы» (Рыжов, 2025).

Практическая значимость исследования заключается в создании теоретико-методологического обоснования для конкретной исследовательской практики литературного краеведения, переводя её из статуса эмпирического описания в статус концептуально осмысленной дисциплины. Введённые понятия и методологические модели применимы в музейной и экспозиционной практике (создание литературных музеев, мемориальных маршрутов, «литературных карт» регионов), в сфере культурного туризма и разработки краеведческих экскурсионных программ нового типа, основанных не на перечислении фактов, а на герменевтическом диалоге с местом. Сформулированные философские основания могут быть использованы при разработке учебных курсов по литературному краеведению, культурной географии, философии пространства в системе высшего гуманитарного образования, а таже результаты исследования могут быть адаптированы для цифровых гуманитарных проектов. В целом, философская проблематика работы значима для региональной культурной политики в контексте обоснования ценности локального литературного наследия как ресурса идентичности и противостояния десемиотизации пространства в условиях глобализации.

Обсуждение и результаты

Генеалогия концепта «гения места»: от античного топоса к романтическому

«Этимологически слово *место* не представляет собой загадки, оно отражено во всех славянских языках и означает *селение, город; местечко-городок*» (Киселёв, 2011, с. 88). Употребление схожих терминов в разных языках обозначает некое выделение пространства с точки зрения его культурного преобразования. Философские истоки интереса к связи слова и места уходят вглубь архаической культуры и античной мысли. Уже в древнеримской религии «гений места» (genius loci) – дух-покровитель, наделявший уникальной сущностью и волей природные или рукотворные локации: источник, рощу, перекрёсток, дом, городской квартал. Это было признание сакральной инаковости места, его несводимости к нейтральным координатам, его онтологической самодостаточности. Место мыслилось как личность, как субъект, с которым возможен диалог, требующий ритуальных практик уважения, задабривания, почитания. В этом архаическом переживании уже заложена та интуиция, которую позднее философски оформит феноменология. Место не является объектом, оно есть событие, оно «смотрит» на человека так же, как человек смотрит на него.

Философское осмысление этой интуиции можно обнаружить уже у Аристотеля. В книге IV «Физики» он проводит принципиальное различие между абстрактным пространством как «протяжённостью» и конкретным «топосом» (τόπος) – «местом» как границей вмещающего тела, его «неподвижным первым пределом». Топос у Аристотеля активен: он определяет потенции находящейся в нём вещи, задаёт ей «природное место» (τόπος φυσικός), к которому она стремится. Это можно рассматривать как философскую предпосылку идеи о влиянии места на характер, творчество и судьбу – идеи, которая станет центральной для краеведческого мышления (Аристотель, 1981). У Платона в «Тимее» пространство получает статус «хоры» (χώρα) – восприемницы, вместилища становления, предшествующего всякой форме. Хора – это не пустота, а потенция, возможность принятия облика, что перекликается с краеведческой интуицией о месте как «ожидающем» своего слова, своего нарратива (Платон, 1994).

В средневековой христианской традиции концепция места приобретает новое, символическое измерение. Пространство организуется по вертикальной оси сакрального: от ада через землю к раю. Каждый конкретный локус – монастырь, храм, святой источник – становится «местом прорыва» трансцендентного в имманентное, «ось мира» (axis mundi) по терминологии М. Элиаде (1994). Паломническая литература, описания святых мест представляют собой протоформу литературного краеведения, где описание локуса неотделимо от его духовного истолкования. Место в таком понимании – не объект описания, а субъект откровения.

В эпоху Просвещения и раннего модерна формируется «топографическое» сознание: пространство становится объектом рационального описания, картографирования, классификации. Однако одновременно с этим возникает и другая тенденция – сентименталистское и предромантическое переживание места как источника эмоции, настроения, «расположения души». Путешествие Л. Стерна, описания Ж.-Ж. Руссо, «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина фиксируют рождение нового типа отношения к месту: не как к объекту знания, но как к источнику переживания.

Подлинная концептуализация «гения места» совершается в эпоху Романтизма, когда происходит мощная секуляризация и эстетизация этого понятия. Место, прежде всего природное, становится главным выразителем национального духа, эмоционального состояния, метафизической тоски. Пейзаж превращается в ландшафт – культурно освоенный, одухотворённый взглядом образ пространства. У. Вордсворт и С. Т. Кольридж в Англии, В. А. Жуковский, ранний А. С. Пушкин и Н. В. Гоголь в России описывают природу и место в статусе самостоятельного «персонажа», носителя смысла. Именно романтики, с их культом уникального, местного, «почвенного», заложили основу краеведческого чувства. Путешественник ищет не столько универсальные достопримечательности, сколько неповторимый «характер» местности, её «настроение», её «голос». Литература становится главным медиумом фиксации и конструирования этого характера. Романтическая парадигма утвердила литературу как орган восприятия места, а место – как источник и условие литературного вдохновения.

Важно подчеркнуть, что романтическое понимание «гения места» не является простым возвратом к античному анимизму. Это сложное философско-эстетическое видение, в котором место выступает как точка пересечения природного и культурного, объективного и субъективного, вечного и преходящего. Именно эта сложность делает романтическую интуицию продуктивной для современного краеведения.

Феноменологические и герменевтические основания онтологии укоренённости

Качественный философский скачок, позволивший краеведению обрести строгий понятийный язык и онтологическое обоснование, совершился в XX веке благодаря феноменологической традиции. Работа М. Хайдеггера «Исток художественного творения» и его анализ «обитания» (Wohnen) в «Бытии и времени» предлагают радикальную онтологию места. Хайдеггер противопоставляет два модуса: безличное, измеримое, гомогенное «пространство» (Raum) и осмысленное, населённое, событийное «место» (Ort). Место – это «окрестность» (Gegend), собирающая вокруг себя вещи в их принадлежности друг другу и человеку, это «просвет бытия», событие, в котором истина «полагает себя в произведение» (Хайдеггер, 1993; 1997). Человек не просто находится в месте, но «обитает» в нём, то есть хранит его суть, «бережёт» его четырёхчастную сущность – землю, небо, смертных и божественных (Heidegger, 1954).

В этом свете литературное описание места – не репрезентация внешнего объекта, не «отражение» в зеркале языка, а событие самого места, способ его явления, его «высказывание». Задача краеведения обретается не столько в сопоставлении текста с картой, установлении «соответствия», сколько во вслушивании раскрытия в слове бытия локации. Литературный текст становится местом, где оно «приходит к себе», обретает голос. Феноменологическая установка требует от исследователя непосредственного, дорефлексивного контакта с местом, предшествующего всякой теоретической интерпретации.

Идеи Хайдеггера были продуктивно развиты в нескольких направлениях. Г. Башляр (2004) создал феноменологию интимных пространств – дома, чердака, подвала, шкафа, ящика. Для Башляра пространство переживается поэтически, через образы и воспоминания. Дом понимается в качестве «космоса» первичных интимностей, вертикальной структуры мечты. Литературное краеведение, опирающееся на Башляра, обращает внимание на «внутреннюю необъятность» мест, на их поэтическую плотность. М. Мерло-Понти (1999) обосновал телесную природу пространственного опыта. Отстраненное сознание не может адекватно прочувствовать место. Оно воспринимается воплощённым субъектом через жест, движение, телесную вовлечённость. Это открывает для краеведения измерение «телесной памяти места» – того, как ландшафт запечатлевается, наряду со зрением, в запахе, звуке, тактильном ощущении, кинестетике ходьбы.

Американский философ Э. Кейси в фундаментальных трудах «Судьба места» (Casey, 1997) и «Вернуться на место» (Casey, 1993) доказывает примат места над пространством. Он критикует многовековую философскую традицию, начиная с Ньютона и Декарта, редуцировавшую место к точке в абстрактной протяжённости. Место у Кейси – это телесно переживаемая, априорная форма опыта, аккумулирующая в себе историю, память, практики. Оно обладает «плотностью» (thickness) и «накопленностью» (gathering). Литературный текст в данной системе – один из мощнейших слоёв этой накопленности, культурный слой места, сопоставимый по значимости с археологическим. Краеведение выступает как археология смысла, стремящаяся раскопать и дешифровать эти наслоения, где материальные артефакты и текстовые свидетельства равноправны и взаимопереводимы.

Герменевтическое измерение, разработанное Х.-Г. Гадамером (1988) и П. Рикёром (2004), добавляет к феноменологии незаменимый инструментарий понимания и истолкования. «Текст культуры обладает свойством перспективы, т. е. выражает своеобразную систему видения культурного пространства <…>» (Люсый, 2014, с. 236). Место, запечатлённое в литературе, – это уже «текст в тексте», требующий многоступенчатого истолкования. Его смысл не дан раз и навсегда, не зафиксирован в момент создания произведения, он рождается в диалектике дистанции и принадлежности, в гадамеровском «сплаве горизонтов» прошлого (опыт автора и его эпохи) и настоящего (опыт читателя-исследователя). Исследователь всегда находится внутри традиции, внутри «истории воздействия» изучаемого места. Его задача – сделать свою позицию продуктивной, осознать свою дистанцированность и вступить в диалог с местом и текстом.

Рикёровская концепция нарративной идентичности позволяет рассматривать место как рассказываемое. Оно обретает идентичность через нарративы, которые о нём создаются и пересоздаются. Литературно-краеведческое исследование становится герменевтическим кругом особого рода: мы приближаемся к пониманию места через вдумчивое чтение текстов. Сами тексты начинают говорить полнее, когда мы погружаемся в телесный, чувственный опыт локации, в её атмосферу, в её материальную фактуру. Становится возможным углублённое, воплощённое понимание – то, что П. Рикёр (2004) называл «прибавлением смысла».

Принципиально важно рикёровское различение между памятью и историей. Литературное краеведение работает на пересечении этих двух факторов. Оно имеет дело и с живой памятью места (предания, устные нарративы, телесные практики), и с историческим дискурсом (документы, биографии, архивы). Литература выступает медиатором между ними, переводя «немую» память в артикулированный нарратив и одновременно возвращая «историческое» в живое переживание.

Семиотика и хронотоп «локального текста»: феномен «метафизики провинции»

Если феноменология отвечает на вопрос «что есть место?», а герменевтика – «как его понимать?», то теория хронотопа М. М. Бахтина даёт ответ на вопрос «как место работает внутри литературного произведения?» Хронотоп – «существенная взаимосвязь временны́х и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» – является, по Бахтину (1975, с. 234), смыслопорождающим центром романа, его формообразующим принципом. Дорога, гостиная, порог, провинциальный город, замок, усадьба, трактир становятся формообразующими структурами сюжета и характера. Они задают тип возможных в них событий, встреч, конфликтов, определяют темпоритм повествования.

Для литературного краеведения хронотопический подход является ключевым методологическим инструментом. Он позволяет перейти от наивного вопроса «где происходит действие?» к философски продуктивному вопросу «какое именно пространственно-временное единство конституирует этот художественный мир и его внутренние законы?» Изучая, например, хронотоп дворянской усадьбы в русской литературе XIX века (от тургеневского «дворянского гнезда» до чеховского «вишнёвого сада»), мы исследуем модель циклического, замкнутого, идеализированного времени, противостоящего линейному историческому хаосу. Хронотоп уездного города у Гоголя – это пространство застывшего, непродуктивного времени, где событие невозможно, возможно лишь повторение. Хронотоп дороги у Пушкина и Лермонтова – это пространство становления, в котором субъект обретает себя через движение.

Бахтинская концепция дополняется и обогащается семиотикой культуры Московско-тартуской школы, прежде всего идеями Ю. М. Лотмана (1992). Он предложил рассматривать город (Петербург, Москву) и в целом культурное пространство как текст, состоящий из знаков, кодов, символов и границ. Лотман показал, как город функционирует в качестве «семиотического механизма», генерирующего смыслы. Литература в этом тексте – один из важнейших кодов, создающий «миф места». Лотман блестяще продемонстрировал, как литературный миф о Петербурге (от Пушкина и Гоголя до Достоевского, Белого и Блока) стал мощнее материальной реальности и начал определять её восприятие, поведение жителей и даже градостроительную политику. Это можно назвать «текстуальной аурой места» – специфической атмосферой значимости, которую приобретает локус благодаря его литературной канонизации. Материальные свойства места и содержание текстов во взаимодействии сплавляются в некое «третье пространство» (Soja, 1996). Задача краеведа – уловить и описать эту ауру, не разрушая её редукционистским анализом.

Концепция «локального текста» (петербургский текст, московский текст), развитая В. Н. Топоровым (1995), позволяет рассматривать литературное краеведение как дешифровку этих текстов. Она предполагает анализ того, как нарративы, метафоры, образы, рождённые писателями, формируют символический каркас места, его идентичность в коллективном сознании. Место становится палимпсестом, где поверх физического рельефа написаны и постоянно переписываются культурные значения. И литературный слой является одним из самых устойчивых и влиятельных. При этом, как подчёркивал Б. А. Успенский (1995), семиотика пространства предполагает анализ не только «наполнения» места знаками, но и его границ, его положения в оппозициях «своё – чужое», «центр – периферия», «верх – низ», «сакральное – профанное».

Важным дополнением к семиотическому подходу является концепция «воображаемой географии», разрабатываемая в постколониальных исследованиях и культурной географии. Литература создаёт не только «миф места», но и его «воображаемую карту» – систему представлений о том, что находится «здесь» и «там», «близко» и «далеко», «в центре» и «на краю» (Tuan, 1977). Краеведение, работающее с этими воображаемыми географиями, исследует, как литературные репрезентации конструируют символические границы и иерархии между местами.

Особую глубину и национальную специфику философским основаниям литературного краеведения в русской традиции придаёт феномен «провинции». Провинция – не просто географическая или административная периферия, не «то, что не столица», но целостный метафизический и аксиологический универсум, ключевой для национального самопонимания и культурной идентичности. «Русская классическая литература осуществила своеобразную художественную структуризацию российского провинциального топоса <…>» (Люсый, 2017, с. 17). В осмыслении провинции сталкиваются и взаимодействуют несколько мощных интеллектуальных линий.

С одной стороны, славянофильская и почвенническая традиция (А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, позднее Ф. М. Достоевский, Н. Н. Страхов) видит в провинции, в «глубинке» хранилище аутентичной, органической народной жизни, противопоставленной западническому, бюрократическому, искусственному центру-Петербургу. Это место сохранения души, традиции, соборности, «живого знания». Усадьба, приход, земство, ярмарка – институты провинциальной жизни – мыслятся как формы органического бытования культуры, в отличие от безличной, механической столичной цивилизации.

С другой стороны, критическая, «гоголевская» линия (Н. В. Гоголь, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. П. Чехов) раскрывает провинцию как пространство застоя, косности, духовного сна, «обывательского болота», где время остановилось и где ничего не происходит. Однако даже в этой беспощадной критике есть своеобразная метафизика: провинциальный городок N – это модель мира, вселенная в миниатюре. В ней с концентрированной, гротескной ясностью проявляются универсальные человеческие пороки, абсурд и трагизм существования. Гоголевский город из «Ревизора» – это не конкретная локация, а онтологическая модель падшего мира.

Третья линия, представленная И. А. Буниным, М. М. Пришвиным, А. Т. Твардовским, создаёт элегическую метафизику провинции как «утраченного рая», исчезающего мира усадебной и деревенской культуры. Здесь провинция – это место памяти в самом глубоком, прустовском смысле, место, где время материализуется в вещах, запахах, звуках, жестах. Литературное краеведение, работающее с этой традицией, становится практикой спасения уходящего мира в слове.

Литературное краеведение в России изначально нагружено задачей постижения этой многослойной метафизики провинции. Через изучение литературных образов Орла и орловского края, Тулы и Ясной Поляны, Калуги и Оптиной пустыни, Саратова и волжских городов, усадеб Спасского-Лутовинова, Тархан, Шахматова, оно отображает бытие русской культуры в её корневом, усадебно-земском или мещанско-городском изводе. Это исследование форм укоренённости и их распада в пространстве истории. Краеведение выполняет критически-охранительную функцию. Оно противостоит культурному центризму, доказывая, что подлинная жизнь и смыслы рождаются не только в столичных салонах и редакциях, но и на «почве», в тиши уездных городов, в ритме сельских работ, в шёпоте старых парков.

Семиотический и хронотопический подходы требуют от краеведа компетентности в анализе художественных структур. Исследователь должен понимать, как пространство организовано внутри текста, какие нарративные функции оно выполняет, какие оппозиции и границы конституируют его смысл. Традиционно задачу литературного краеведения видят в узнавании реальных прототипов, однако оно нацелено и на анализ трансформации, «перевода» реального пространства в художественное.

Экзистенциальный статус литературного краеведения в условиях глобальной десемантизации пространства

В начале XXI века философская значимость литературного краеведения возрастает, приобретая характер экзистенциальной необходимости. Глобализация, стандартизация, виртуализация и цифровизация создают «гладкое», десемантизированное пространство, лишённое истории и идентичности – то, что французский антрополог М. Оже (2017) назвал «не-местами» (non-lieux): аэропорты, торговые центры, сетевые отели, глобальные цифровые платформы. В этом мире, где, по выражению Э. Кейси (Casey, 1993), происходит «истощение места», практика краеведения становится формой культурного и экзистенциального сопротивления.

В современной социокультурной действительности экзистенциальное сопротивление десемантизации местности направлено на утверждение укорененности в ней. Краеведение настаивает на онтологической важности связи человека с конкретным, уникальным, наполненным памятью местом. Тем самым, оно противопоставляет себя глобальной мобильности, «текучей современности» (Бауман, 2008) и цифровому отчуждению. Но укоренённость невозможна без работы с памятью. Литературное краеведение выступает как технология «воскрешения» сложных, многослойных смыслов ландшафта. Оно противостоит одновременно полному забвению и упрощённому, туристически-глянцевому, «диснейфицированному» мифотворчеству. При этом современное краеведение отказывается от идеализации «малой родины» и обращается к герменевтике многослойности. Творческому осмыслению подвергаются травматические пласты памяти места – с темами лагерей, репрессий, заброшенности, экологических катастроф. Такие темы нашли глубокое отражение в литературе: в лагерной прозе В. Т. Шаламова и А. И. Солженицына, в текстах В. Г. Распутина об Ангаре и Байкале, в прозе С. П. Залыгина о сибирской реке.

В условиях кризиса, порождённого антропогенным воздействием на окружающую среду, литературное краеведение обретает и отчётливое экологическое измерение. Фиксация и осмысление утраты природных ландшафтов, запечатлённых в литературе, превращается в форму экологической памяти и скорби. Литературный образ реки, леса, степи становится свидетельством того, что утрачено или находится под угрозой.

В самом широком аспекте литературное краеведение из ностальгической, антикварной практики трансформируется в критическую топоаналитику, исследующую политические, социальные, экологические и экзистенциальные конфликты, запечатлённые и осмысленные в литературе определённого региона. Оно становится практикой «экзистенциальной картографии» – создания альтернативных карт, на которых место обозначено не координатами, а смыслами, именами, голосами, воспоминаниями.

Экзистенциальное сопротивление десемантизации находит свое теоретическое обоснование и эмпирическое воплощение в феномене «текстуальной революции», охватившей современные гуманитарные науки. Как отмечает А. П. Люсый, эта цепная реакция концептуализации локальных текстов культуры (сверхтекстов) представляет собой глубинный ответ национального семиозиса на вызовы универсализма и гомогенизации пространства. Локальный текст понимается как воплощение локального мифа, развёртывание определённой темы вокруг смысловых и стилистических констант, своего рода «ядра», вокруг которого кристаллизуется культурное значение места. Благодаря такому подходу литературное краеведение перестаёт сводиться к поиску реальных прототипов и превращается в интерпретацию знаковых систем культурного ландшафта, в котором исторические, событийные и визуальные смыслы оказываются неразрывно связаны с конкретным топонимом (Люсый, 2014).

Сегодня обретают новую философскую глубину исследования, посвящённые проблемам локальной литературной идентичности – текстам пермского, волжского, орловского, тульского, псковского и иных краев. Пермская литературная идентичность, сплетенная из мамин-сибиряковской горнозаводской эпопеи, бажовской сказовой архаики и пастернаковского «юрятинского» мифа, создает уникальный хронотоп уральского пограничья между стихией и цивилизацией, ставя вопрос о «геологической» глубине культурной памяти и о драматическом обретении голоса периферией (Абашев, 2000). Волжский текст (например, в драматургии А. Н. Островского) выстраивается на радикальной антитезе вольной речной стихии и душного «тёмного царства» прибрежного уклада. Он порождает самобытный образ, в котором река обретает статус самостоятельного мифопоэтического героя, выполняя функции пространства подлинной свободы и высшего нравственного судьи (Красникова, 2021). В орловском тексте на основе картин тургеневских «дворянских гнезд», бунинской «антоновщины» и пришвинской «родины», формируется особая атмосфера усадебно-крестьянской России, ставящая вопрос о корневой памяти (Зеленцова, 2023, Страхов, 2016). Каждый из приведенных и многих других региональных текстов удерживает онтологическую плотность места и не позволяет ему раствориться в абстрактном пространстве. Они демонстрируют, что феномен «текстуальной ауры места» имеет повсеместное распространение и требует специального философско-методологического осмысления. Именно на этом пересечении устоявшейся краеведческой практики и новых концептуальных подходов обозначенные философские основания – «метафизика провинции», «экзистенциальная картография», герменевтика «духа места» – обретают предметную наполненность, позволяя перевести накопленный эмпирический материал из статуса фактографического описания в статус концептуально осмысленного знания.

Цифровая среда создаёт для краеведения как угрозы, так и новые возможности. С одной стороны, виртуализация угрожает дальнейшей десемиотизацией места, превращением его в «контент». С другой стороны, цифровые технологии открывают новые формы репрезентации и взаимодействия: интерактивные литературные карты, геоинформационные системы, дополненная реальность, позволяющая «наложить» литературный текст

на физический ландшафт. «<…> Пространство локальных мифов начинает быстро расширяться невозможными ранее темпами <…> в смысле их семантической и образной экспансии в ранее недостижимые для них области ментальной и материальной жизни региональных сообществ» (Замятин, 2010, с. 38). Однако и в данном контексте экзистенциальная задача краеведения остаётся неизменной. Нельзя допустить, чтобы цифровая репрезентация заменила живой, телесный, герменевтический опыт места.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что литературное краеведение обладает многоуровневым и глубоким философским фундаментом, уходящим корнями в античную онтологию и обретённым в полной мере в философии XX-XXI веков. Его ядро составляет диалектика пространства и места, где литература выступает главной силой превращения первого во второе, протяжённости в осмысленность. Синтез феноменологии (раскрывающей онтологический статус места и его телесную природу), герменевтики (дающей метод его понимания и истолкования), теории хронотопа (объясняющей его формообразующую работу внутри художественного целого) и семиотики (раскрывающей знаковую природу места) формирует междисциплинарный подход. Такая методология направлена не на позитивистскую реконструкцию прошлого и не на установление механического соответствия между текстом и реальностью, а на ревитализацию диалога между человеком современности и культурным ландшафтом, между читателем и текстом, укоренённым в почве. Высшая цель краеведения – оживление «гения места», пробуждение его к новой речи в современном контексте, к новому диалогу с новыми поколениями читателей и обитателей.

Философская значимость литературного краеведения сегодня заключается в том, что оно предлагает ответ на один из ключевых экзистенциальных вызовов эпохи: вызов безместности, «не-местности», утраты онтологического дома. Оно является практикой экзистенциальной картографии – обозначения не географических объектов, а смысловых координат человеческого бытия. Через вдумчивое, медленное чтение локальных текстов и прямое, внимательное, телесное восприятие мест, которые их породили и которые они породили, человек заново учится обитать в мире, видеть в нём со-бытийного партнёра, сотканного из истории, памяти, труда и слова.

Литературное краеведение не только прокладывает путь в прошлое, не только работает с наследием, но и становится необходимым философским проектом построения будущего обитаемого, осмысленного, диалогического пространства – того пространства, где только и возможно подлинное человеческое существование. Это проект, в котором слово возвращает месту его голос, а место возвращает слову его плоть и тяжесть. В эпоху, когда глобальные потоки информации и капитала стирают локальные различия, литературное краеведение утверждает простую и радикальную истину: бытие происходит здесь, в этом месте, в этом имени, в этом тексте. И задача мысли – не пройти мимо, а остановиться, вслушаться, прочесть.

Перспективы исследования связаны с дальнейшим теоретическим развитием выявленных философских оснований литературного краеведения. Во-первых, концепт «метафизики провинции», обозначенный в настоящей работе преимущественно на материале русской традиции, требует последующей концептуализации в сравнительно-сопоставительном ключе – через выявление его универсальных структурных элементов и национально-специфических модификаций в иных литературных культурах. Во-вторых, нуждается в углублении теоретическая проработка соотношения введённого понятия «текстуальной ауры места» с классической эстетической категорией «ауры» и современными концептами «атмосферы» в феноменологии. В-третьих, особого теоретического анализа требует проблема «травмы места» – осмысление в рамках литературного краеведения локусов, маркированных историческими катастрофами, репрессиями и экологическими разрушениями, где герменевтический диалог с «духом места» сталкивается с этической границей репрезентации.

Источники | References

1. Абашев В. В. Пермский текст в русской культуре и литературе XX века: автореф. дисс. … д. филол. н. Екатеринбург, 2000.
2. Аристотель. Физика. Книга IV // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1981. Т. 3.
3. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
4. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975.
5. Башляр Г. Поэтика пространства. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004.
6. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988.
7. Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 3.
8. Зеленцова С. В. Модели и образы пространства в бунинских «Темных аллеях» (на примере рассказов «Руся», «Натали») // Орловский текст российской словесности: сборник научных статей. Орел: Издательство «Картуш», 2023. Вып. 15.
9. Киселёв А. В. Цивилизационная объяснительная модель концепта «край» – «краеведение» // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 15.

10. Красникова О. Н. Волжский текст А. Н. Островского: функции и генезис образа Волги : автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2020.
11. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1.
12. Люсый А. П. География текстуальной революции: междисциплинарные исследования локальных текстов культуры // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2014. № 1 (25).
13. Люсый А. П. Русская литература как система локальных текстов: автореф. дисс. ... д. филол. н. Вологда, 2017.
14. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента; Наука, 1999.
15. Оже М. Не-места: введение в антропологию гипермодерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
16. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3.
17. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004.
18. Рыжов И. О. Преемственность идей почвенничества в советской деревенской прозе // Вестник Российской христианской гуманитарной академии. 2025. Т. 26. № 2.
19. Страхов И. И. Автобиографизм топонимического пространства в художественных текстах М. М. Пришвина: автореф. дисс. ... к. филол. н. Воронеж, 2016.
20. Топоров В. Н. Петербург и «петербургский текст русской литературы» // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс-Культура, 1995.
21. Успенский Б. А. Семиотика искусства. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
22. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997.
23. Хайдеггер М. Исток художественного творения // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993.
24. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Издательство МГУ, 1994.
25. Casey E. S. The Fate of Place: A Philosophical History. Berkeley: University of California Press, 1997.
26. Casey E. S. Getting Back into Place: Toward a Renewed Understanding of the Place-World. Bloomington: Indiana University Press, 1993.
27. Heidegger M. Bauen Wohnen Denken // Heidegger M. Vorträge und Aufsätze. Pfullingen: Neske, 1954.
28. Tuan Y.-F. Space and Place: The Perspective of Experience. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977.
29. Soja E. W. Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places. Oxford: Blackwell, 1996.

Информация об авторах | Author information

RU

Комлев Алексей Евгеньевич[1], к. филос. н., доц.
Денисова Наталья Юрьевна[2], к. филос. н., доц.
[1, 2] Саратовская государственная юридическая академия

EN

Aleksey Evgenevich Komlev[1], PhD
Natalia Yuryevna Denisova[2], PhD
[1, 2] Saratov State Law Academy

[1] *almaskom@mail.ru,* [2] *ndenissova@list.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 18.08.2026; опубликовано online (published online): 18.09.2026.

Ключевые слова (keywords): онтология места; литературное краеведение; концепция «гений места»; культурный ландшафт; локальный текст; place ontology; literary local studies; concept of “genius loci”; cultural landscape; local text.